

УДК 001

DOI: 10.34670/AR.2020.10.77.005

Фундаментальные эпистемологические программы конфликтной теории

Кабылинский Борис Васильевич

Проректор по научной работе,
Финансовая академия Республики Казахстан,
050039, Республика Казахстан, Нур-Султан (Астана), ул. Шокана Валиханова, 11;
e-mail: boris_kabylinskiy@mail.ru

Аннотация

Эпистемологическое обозрение феномена конфликта позволяет обогатить структуру профильного знания за счет принципиально новых терминов, дополняющих онтологический инструментарий постижения сущностных аспектов конфликтного бытия эмпирическими обобщениями передового опыта нейтрализации враждебного соприсутствия Я и Другого в современных культурных вариациях. В частности, высокий научно-исследовательский интерес представляет перспектива интегрирования содержательного смысла понятия «эпистемологическая программа разрешения конфликтов» в структуру знания о конфликтном бытии. В статье развивается идея о том, что определение эпистемологической программы разрешения конфликтов может быть сформулировано как способ воздействия на конфликтную ситуацию, мотивированный способностью субъекта различать собственные возможности быть в конфликтном или бесконфликтном соприсутствии в отношениях с Другим.

Для цитирования в научных исследованиях

Кабылинский Б.В. Фундаментальные эпистемологические программы конфликтной теории // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2020. Том 9. № 4А. С. 38-44. DOI: 10.34670/AR.2020.10.77.005

Ключевые слова

Эпистемология, конфликт, феноменология, экзистенция.

Введение

В философском смысле фундаментальные программы конфликто разрешения относятся к наиболее общим формам мысленно воображаемых или практически воплощенных паттернов, применяемых с целью изменения конфликтной ситуации посредством трансформационного воздействия на экзистенциалы негативного соприсутствия Я и Другого. Фундаментальные эпистемологические программы конфликто разрешения всегда имеют дело с экзистенциалами в хайдеггеровской интерпретации этого понятия.

В соответствии со схемой, предложенной Хайдеггером, присутствию характерно определенное расположение, понимание себя, выговаривание и падение в мир [Хайдеггер, 1998]. De facto конфликт относится к возможностям Я и Другого соприсутствовать в обоюдном стремлении к снятию конфликтной ситуации посредством достижения своей цели и блокирования аналогичных намерений соперника. Следуя логике Хайдеггера, конфликт повествует о самом себе через собственное разрешение, устраняющее альтернативную конфликтную модальность на уровне четыре базовых экзистенциалов, то есть соответствующего расположения, понимания, речи и падения. Таким образом, фундаментальные эпистемологические программы охватывают широкий спектр алгоритмов снятия, предотвращения и ликвидации конфликтных противоречий. В рамках этих программ сосредотачивается обширное многообразие конфликтных методик и опыта, предназначенных для изменения способа Я быть в конкретных культурных реалиях.

По мере исторического развития и смены эпистем фундаментальные программы конфликто разрешения остаются неизменными в ноэтическом плане, поскольку механизм устранения конфликта не меняется, но в ноэматике практического конфликто разрешения происходит постоянное обновление имеющегося опыта, базирующегося на апперцепированном восприятии этого феномена в конкретных вариациях культуры.

Основная часть

Фундаментальные эпистемологические программы логично рассматривать в очередности, предложенной Хайдеггером для экзистенциалов. Соответственно, первоочередность следует закрепить за алгоритмами изменения конфликтного расположения, то есть настроенности Я на борьбу с Другим, конституирующую экзистенциальную открытость бытия Его для конфликта.

Конфликтное расположение внутри фундаментальных эпистемологических программ всегда подразумевает настрой на определенное изменение политических и социальных форм бытия в соответствии с представлением Я относительно нацеливания на оптимальный характер собственного присутствия [Михайлович, 2019]. В этом плане экзистенциал «конфликтное расположение» исключает равновесие и гармоничный настрой на мирное сосуществование с Другим. Конфликтное расположение Я провоцируется механизмами репрезентации, то есть de facto ознакомлением с формирующим конфликтное настроение контентом в Интернете и других средствах массовой информации, а также в ходе созерцания в повседневной жизни объекта вожделения и Другого, препятствующего удовлетворению эгоистичной страсти обладать приглянувшейся вещью. В независимости от предмета конфликтного столкновения соответствующее расположение на уровне экзистенциала всегда ограничивается общественными рамками приличия и правилами игры, подавляющими возможности присутствия войти в конфликтное расположение. В современном обществе конфликтное расположение контролируется на институциональном уровне, поэтому конфликтное

настроение Я и Другого ограничивается обоюдно на уровне права возбуждать соответствующее расположение и сталкиваться со встречными проявлениями враждебного эмоционального настроя. В целом конфликтное расположение на культурно-антропологическом уровне в XXI веке приближается к монополизации со стороны силовых структур и правящей элиты, навязывающих рядовым индивидам фиксированные шаблоны вхождения в конфликтное настроение или же, напротив, полное абстрагирование [Тержич, 2018]. Для эпистемологии конфликта эта тенденция может быть выражена в виде дихотомии тревога/страх, формирующей смысловое ядро алгоритмов трансформации конфликтного расположения.

Фундаментальная эпистемологическая программа формирования и снятия конфликтного расположения фактически представляет собой хитроумную манипуляцию, направленную на подмену страха Я за собственное настоящее тревогой по поводу неопределенного будущего. Искусство манипулирования имеет высокую ценность в стремлении современного общества оградить себя от спонтанных и неконтролируемых форм самовыражения в реалиях XXI века. На практике столкновение двух противоборствующих субъектов в борьбе за достижение частных целей не только обновляет представление о сопернике, но и формирует определенный тип конфликтной реальности, отражающей всю палитру способов зафиксировать Другого и подавить его, используя всю силу настроенного на борьбу Его [Чиржакович, 2019]. Разумеется, одного конфликтного расположения недостаточно для решения этой задачи, поэтому я-в-конflikте осуществляет переход на качественно новый уровень бытия в направлении к следующему хайдеггеровскому экзистенциалу – пониманию.

Понимание в конфликте означает способность Я антропологически различать и определять специфику произошедших в ходе столкновения с Другим событий. Исходя из конфликтного расположения, Я выходит из состояния не-конфликтности и начинает замысливать против Другого сценарии его изничтожения, реализуя таким образом свой негативный мыслительный потенциал. Фундаментальные эпистемологические программы конфликто разрешения, фокусирующиеся на экзистенциале «конфликтное понимание» синтезируют знание о специфике мышления в конфликте и трансформации повседневного понимания в стремлении Я подавить волю Другого в противоборстве с ним.

Прежде всего, необходимо четко обозначить, что различие конфликтного и неконфликтного понимания всегда проводится по линии «одиночество-соприсутствие». В конфликтном расположении Я находится в боевой готовности и выходит за пределы самого себя, обнаруживая Другого, выступающего одновременно соперником и избавителем от одиночества. Понимание в изначальном состоянии одиночества субъекта сконцентрировано на поиске своей собственной уникальности, подразумевающей не только доминирование человека над всеми остальными видами, но и явно присутствующую антропологическую дефектность, проявляющуюся в неопределенности бытия и отчуждении Я от мира людей, вещей и самого себя. Одинокая, но неконфликтная личность соединяется с Другим в негативном бытии и размыкает целостный духовный мир в ракурсе понимания, вынужденного учитывать наличие Я не в виде условной монады, а партнера Другого по антагонистичному столкновению. Разумеется, здесь не идет речь о социальном бытии, исключаяем продолжительное одиночество по причине противоестественности такого состояния человеческой природе [Аршинов, 2013]. Смысловое ядро фундаментальных эпистемологических программ конфликто разрешения содержит принципиально иные категории, то есть метафизическое одиночество и размыкающееся в момент появления Другого конфликтное понимание. Понимание Его, свободного от конфликта с Другим, определяется категориями, усвоенными в ходе познания собственного бытия-в-мире, включая ценностные установки и идеалы. В

соответствии с этими установками и происходит изменение мышления, захватывающего Другого в качестве объекта конфликтной борьбы. Исходная аксиологическая настроенность одинокого Я определяет стратегию противоборства с Другим в процессе понимания хода конфликтной борьбы и оценивания возможностей одержать победу или потерпеть поражение.

Присутствие, настроившее себя на конфликт с Другим и достигшее понимания о неизбежности вступления в борьбу, заявляет о себе и собственных намерениях. Соответственно, фундаментальные эпистемологические программы конфликто разрешения имеют дело со специфическими возможностями Я быть в конфликтности собственной речи.

Для теории конфликта принципиально важно зафиксировать, что в экзистенциале «конфликтная речь» Я-в-конфликтности локализует и темпорализует смысл, побуждающий атаковать Другого. Мотивационная установка на вступление Еgo в состояние конфликтного антагонизма с Другим

изначально неочевидна и скрыта от самосознания, приближающегося к ясности о самом себе. DE facto субъект выражает на словах отношение к Другому в ходе открытого противоборства, при этом разомкнутое бытие-в-конфликте обнаруживает себя в мире, заполненном агрессией Другого, и выражается соответствующим образом. Конфликтная речь охватывает весь спектр взаимоотношений Я и Другого по поводу обладания вожделенным предметом. Восприятие оппонента на слух также относится к конфликтной речи и означает, что соперник может быть воспринят в качестве пояснения сущности моего собственного присутствия в конфликте.

Несмотря на цифровые реалии современного процесса коммуникации, даже в ходе дистанционного обмена мнениями конфликтная речь выступает своеобразным индикатором и наглядно свидетельствует о том, что в ходе сближения Я и Другого произошел сбой, и они начинают стремительно дистанцироваться. При этом очевидно, что конфликтность не исчерпывается выражениями, но составляет основу для перехода к соответствующим действиям, то есть размыканию бытия-в-конфликте через хайдеггеровский экзистенциал «падение».

Конфликтное столкновение Я и Другого подразумевает поэтапное размыкание бытия я-в-конфликтности и его проявление через экзистенциалы настроения, понимания и речи. В социальном и культурном плане соответствующие практики конфликто разрешения, или фундаментальные эпистемологические программы, конституируют специфическую повседневность для я-в-конфликтности.

В современном обществе допустимый уровень конфликтности не формируется произвольно, но является следствием результатов, достигнутых Я и Другим в ходе антагонистического взаимоотношения и обоюдных усилий, направленных на преодоление изначального мирного сосуществования и впоследствии возвращения к неконфликтному бытию. На повседневном уровне я-в-конфликтности балансирует в поисках оптимального сценария в перманентном движении от мира и согласия с Другим к конфликту и вражде. Повседневность или, следуя хайдеггеровской терминологии, падение, обладает важной методической функцией для теории конфликта на правах экзистенциала. Исследование повседневности и включение полученных в ходе сбора и анализа эмпирических данных позволяет выработать маркеры, указывающие на пребывание Я и Другого в конфликте. В этом плане эпистемология позволяет решать сложные задачи по разграничению проявлений я-в-конфликтности и мирного сосуществования с Другим в постоянно меняющихся синкретических культурных реалиях XXI века.

Фундаментальные эпистемологические программы конфликто разрешения,

сфокусированные на трансформации повседневного конфликтного бытия в мирных формах сосуществования Я и Другого, исходят из идеи о принципиальном различии этих способов Я быть в мире. В соответствии с экзистенциальной философией, Я и Другой в своей конфликтной повседневности погружаются в борьбу в определенной степени, иногда во всей полноте собственного бытия, но в основном частично, соответственно, целиком или незначительно преодолевая сложившийся уклад мирной жизни и утверждая новый способ озаботиться конфликтом в будничном существовании [Сартр, 1989]. Конфликтная повседневность отличается от мирной тем, что присутствие воспринимает столкновение с Другим в качестве ярко выраженной перемены существовавшего порядка. Это изменение приводит к выходу я-в-конфликтности за рамки того мира, в котором для Его не существовало угрозы, исходящей от Другого. Следовательно, Его начинает захватываться не собственным присутствием, а новым избранником в лице антагонистически настроенного Другого. В онтологическом смысле бытие-в-конфликтности продолжает оставаться самим собой в соответствии с непреложным принципом «Я есть Я», но сохраняющаяся тождественность модальностей ни в коей мере не препятствует возрастанию их вариативности, а также возникновению новых способов соотнесения я-в-конфликтности с возможными сценариями альтернативного бытия-в-мире. Следует подчеркнуть, что в рамках фундаментальных эпистемологических программ конфликторазрешения собственно конфликт предполагается всегда существующим, укорененным в структуре повседневного бытия на уровне мирного и антагонистического соприсутствия Я и Другого.

Заключение

Эпистемология конфликта в процессе аккумуляции знания о повседневном опыте перехода Я из состояния мира и покоя в яростную схватку с Другим становится предельно эмпирической дисциплиной. Повседневность решительно заявляет о своих правах на реальное существование и отсылает исследователя к фактам из области конкретного опыта. Теория конфликта приближается к утверждению себя в качестве автономной отрасли гуманитарного знания, аргументируя непреложными фактами гипотезу о том, что конфликт не относится к спонтанным формам импровизирующего на уровне собственной повседневности Его. Теоретическое знание приближается к практическому конфликторазрешению и становится необходимым условием его дальнейшего развития, хотя и снижает эвристический потенциал знания о конфликте, создавая риски отклониться в исследованиях рационализации от спонтанных мотиваций, трансформирующих повседневное неконфликтное бытие. Фундаментальные эпистемологические программы, имеющие дело с экзистенциалом «конфликтное падение», вносят существенный вклад в институционализацию науки, изучающей конфликтные формы вообще и их частные проявления, изменяющиеся в зависимости от культурных вариаций. Теоретизация конфликтной повседневности в эпистемологическом плане представляет собой ни что иное, как комплексный и многогранный процесс формирования и интеграции отдельно взятых субъективных представлений о конфликте в единую систему профильного знания. В данной связи обращает на себя внимание, что частью конфликтной повседневности автоматически становятся умозаключения и рассуждения о ее природе, а также поиски сценариев оптимизации потенциального воздействия на конфликтные столкновения Я и Другого. В этом состоит перспектива становления теории конфликта на основании собственного представления о себе и для самой себя.

Библиография

1. Аршинов В.И. Интерсубъективность в онтологии парадигмы сложности // Интерсубъективность в науке и философии. – М.: КАНОН-ПЛУС. – 2013. – С. 89-106.
2. Михайлович Д. Философия менеджмента и конкурентоспособность национальной культуры. // Белград: Национальный интерес. – Том. 1. – 2019. – С. 32-45.
3. Сартр Ж.-П. Экзистенциализм – это гуманизм. // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. – С. 319-344.
4. Терзич П. Социальные проблемы в аспекте конструирования социальной реальности. // Белград: Сербская политическая мысль. – Том 2. – 2018. – С. 24-36.
5. Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. / Пер. с нем. Е. Борисова. – Томск: «Водолей», 1998. – С. 198.
6. Чиржакович Ж. О важности культурного компонента в дискурсе для понимания глобализации и универсальных культурных норм. // Белград: Журнал института политических исследований. – Том 1. – 2019. – С. 393-420.
7. Kitchener R. Piaget's genetic epistemology: epistemological implications for science education // Philosophy of science, cognitive psychology, and educational theory and practice. – 1992. – С. 116-146.
8. Anderson J. A. Communication theory: Epistemological foundations. – Guilford Press, 1996.
9. Guttman H. A. Systems theory, cybernetics, and epistemology // Handbook of family therapy. – 1991. – Т. 2. – С. 41-62.
10. Bunge M. Treatise on basic philosophy: Volume 6: Epistemology & methodology II: Understanding the world. – Springer Science & Business Media, 1983. – Т. 6.

Fundamental epistemological programs in the conflict theory

Boris V. Kabylinskii

Vice Provost of Science,
Financial Academy of the Republic of Kazakhstan,
050039, 11, Shokhan Valikhanov str., Nursultan (Astana), Republic of Kazakhstan;
e-mail: boris_kabylinskiy@mail.ru

Abstract

The epistemological review of the phenomenon of conflict allows us to enrich the structure of specialized knowledge due to fundamentally new terms that complement the ontological tools for understanding the essential aspects of conflict being with empirical generalizations of best practices in neutralizing the hostile presence of Self and Other in modern cultural variations. In particular, a high research interest is the prospect of integrating the meaningful meaning of the concept of "epistemological program for conflict resolution" into the structure of knowledge about conflict existence. The article develops the idea that the definition of an epistemological conflict resolution program can be formulated as a way of influencing a conflict situation, motivated by the ability of the subject to distinguish between his own opportunities to be in conflict or conflict-free contact with the opponent.

For citation

Kabylinskii B.V. (2020) Fundamental'nye epistemologicheskie programmy konfliktnoi teorii [Fundamental epistemological programs in the conflict theory]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 9 (4A), pp. 38-44. DOI: 10.34670/AR.2020.10.77.005

Keywords

Epistemology, conflict, phenomenology, existentialia.

References

1. Cirjakovich Z. The importance of the culturality of discourse for understanding the globalization of «universal» political norms. // Belgrade: Institute for political studies journal. – Vol. 1. – 2019. – P.393-420.
2. Mihajovic D. The philosophy of management and national culture competitiveness. // Belgrade: National Interest. – Vol. 1. – 2019. – P. 32-45.
3. Terzic P. Social problems as constructs of social reality. // Belgrade: Serbian political thought. – Vol. 2. – 2018. – P. 24-36.
4. Arshinov V. Inter-subjectivity in the ontology of extra-complexity paradigm // Inter-subjectivity in science and philosophy. – Moscow: CANON-PLUS. – 2013. – P.89-106.
5. Sartre J.-P. Existentialism means humanism. // Twilight of gods. M.: Politizdat, 1989. – P. 319-344.
6. Heidegger M. Zur Geschichte des Zeltbegriffs. / Translated from German by E. Borisov. – Tomsk: «Vooley», 1998. – P. 198.
7. Kitchener, R. (1992). Piaget's genetic epistemology: epistemological implications for science education. *Philosophy of science, cognitive psychology, and educational theory and practice*, 116-146.
8. Anderson, J. A. (1996). *Communication theory: Epistemological foundations*. Guilford Press.
9. Guttman, H. A. (1991). Systems theory, cybernetics, and epistemology. *Handbook of family therapy*, 2, 41-62.
10. Bunge, M. (1983). *Treatise on basic philosophy: Volume 6: Epistemology & methodology II: Understanding the world* (Vol. 6). Springer Science & Business Media.